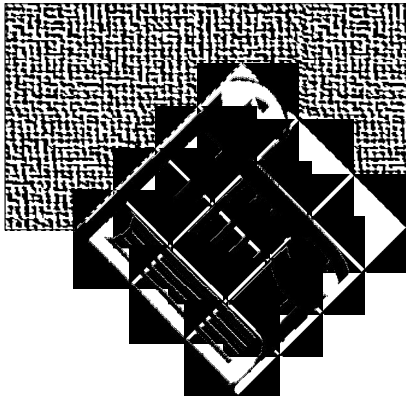

История религиоведения

Михальченко С.И.

«ВОСПОМИНАНИЯ» Е.В. СПЕКТОРСКОГО О РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН 1920 – 1930-х гг.

Аннотация. Статья посвящена отображению религиозных традиций южных славян (сербов и словенцев) в неопубликованных «Воспоминаниях» выдающегося русского мыслителя Е.В. Спекторского (1875–1951). Показываются особенности восприятия как православия, так и католичества в Югославии русскими эмигрантами первой волны, к которым принадлежал автор мемуаров.

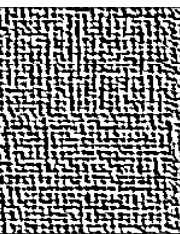
Ключевые слова: Е.В.Спекторский, русская эмиграция первой волны, Югославия, сербы, словенцы, православие, католичество.

Выдающийся русский ученый Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951) известен как автор многочисленных трудов по философии, теории и истории права, культурологии, социологии, истории литературы. Ряд работ посвящен им истории России¹. Особое место занимают в его творчестве сочинения по религиоведению². Деятельность Спекторского в основном протекала в рамках системы высшего образования – в дореволюционный период он прошел весь путь вузовского преподавателя от магистранта до ординарного профессора. Став в 1920 г. эмигрантом, Спекторский не оставил академической работы – он был среди основателей Русского научного института в Белграде, некоторое время руководил Русским юридическим факультетом в Праге, долгие годы преподавал в Люблянском университете, а в последние годы жизни – в Свято-Владимирской Духовной академии в США³ (Спекторский был одним из основателей этого учебного заведения)⁴.

«Воспоминания» ученого долгое время считались утраченными при бегстве Спекторского из Любляны в Триест в конце апреля 1945 г. Однако, по счастливому стечению обстоятельств, это оказалось не так. Текст «Воспоминаний», наряду с другими сочинениями, был сохранен учеником Спекторского В. Боначем и передан в архив Института Восточной Европы Университета Бремена (Германия). Сейчас они находятся в фонде 30.230 (Bonaè, Vladimir), единица хранения II «Воспоминания»⁵.

«Воспоминания» – размещенные в пяти коробках листы (л. 42–929) тетрадного формата, каждый из которых наполовину заполнен рукописным текстом (исписана левая часть листа, на правой иногда встречаются дополнения и исправления), а обратная сторона листа пустая. Текст хронологически охватывает всю жизнь Е.В. Спекторского от рождения до начала 1930-х гг., но обрывается на полуслове.

Текст содержит множество подробностей как частной жизни Спекторского, так и событий эпохи, свидетелем которых он был⁶. Немало места в них отводится религиозной жизни Восточной Европы первой трети XX в., прежде всего, Царства Польского (в составе Российской империи), Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. – Югославии) и Чехословакии, т.е. тем странам, где Спекторский жил. Настоящая статья посвящена характеристике Спекторским религиозной жизни двух на-

родов КСХС (Югославии), среди которых прошла большая часть его эмигрантской жизни, – сербов и словенцев.

КСХС стало одним из главных мест жительства русской эмиграции – помнившая о поддержке, оказываемой ей на протяжении многих лет Россией, Сербия не могла отказать русским беженцам. Как вспоминал эмигрант А.А. Заварин, «к русским как нации сербы относились хорошо. Русских называли «брача Руси», т.е. «братья русские»; а Россию – «майка Русия», т.е. «мать Россия». Вообще у сербов было большое сознание общеславянского происхождения. Но все же приходилось себя чувствовать чужим. Может быть, близким, даже любимым гостем, но все же чужим»⁷.

Спекторский вместе со многими другими эмигрантами оказался в сербской части КСХС (вначале во Вранье, затем в Белграде) после эвакуации из Одессы в начале 1920 г.

Первые впечатления от встречи с православной церковной жизнью в приютившей эмигрантов Сербии показали довольно сильные различия от русских православных реалий.

«В первое же воскресенье мы пошли в церковь, – вспоминал Спекторский. – Она оказалась пустой. Кроме священника и нас, русских, в ней не было никого. Мы еще не знали соответственного сербского «менталитета». Сербь очень дорожили православием, ибо оно было их духовной опорой в борьбе против турок «за крейчасни и слобод у златну». Как подчеркивал мемуарист, «их понимание христианства героическое, а не аскетическое. Они чтут память священников, возглавлявших партизанские отряды. И толстовское понимание религии им совершенно чуждо. Продолжительное пребывание под турецким владычеством отучило их от хождения в церковь. Домашняя «слава» как бы заменяла им литургию. Кроме того, они распространили и на религию начало разделения труда. Солдат воюет, купец торгует, чиновник служит, земледелец пашет, а священник за них всех молится. В сербской литературе есть рассказ о том, как один селяк впал в благочестие и запустил свою ниву, за что его отчитал поп: мое дело молиться, а твое – пахать. В белградских канцеляриях почему-то чиновники должны были являться по воскресеньям утром на службу. Они ничего не делали, пили турецкий кофе, но все-таки их не отпускали. И вот один русский, принятый на службу, отпросился в церковь. Шеф высказал предположение, что он хочет отслужить парастос, т.е. панихиду, по родным и охотно отпустил его. Но, когда тот опять отпросился и в следующее воскресенье, шеф возмутился: вы не монах, а чиновник»⁸.

Полной людей церковь в местечке Вранье, где остановились эмигранты, только что прибывшие из России, оказалась только в первое воскресенье великого поста. Спекторский был немало удивлен особенностями сербского богослужения, в частности, отсутствием индивидуальной исповеди: «Когда священник вышел с дарами и сказал: «Со страхом Божиим и верой приступите», никто не приступил. Но, когда обедня кончилась, сербы подошли к амвону. Священник прочитал молитву и стал их причащать. При этом взрослые разговаривали друг с другом, а бывшие на хорах дети шумели, плевали вниз и вообще вели себя очень не благоговейно. Но мне понравилось отсутствие личной исповеди». Факт отсутствия личной исповеди в сербской церкви навел Спекторского на более общие размышления, на сравнения католицизма и православия. «Я вспомнил случай, – писал мемуарист, – как в одной уездной церкви во время исповеди раздавался голос одного офицера: «Я, батюшка, грешен и каюсь, но вашего любопытства удовлетворять не намерен». Вспомнил я католические исповедальни с визитными карточками и указанием приемных часов «духовных директоров», отпускающих не только прошлые, но и будущие грехи. Вспомнил я и казуистику когда-то прочитанного мной руководства к исповеди, составленного Альфонсом Лигурийским. И мне показалось, что индивидуальная исповедь свойственна только католичеству, и что она

проникла в православие через Петра Могилу вместе с другими западными влияниями. Так, например, православная формула таинств безлична: «Крещается, венчается раб Божий такой-то». Католическая же формула заменяет мистический процесс личным актом священника: «я крещаю, я венчаю». И вот как раз в нашу формулу таинства покаяния вперлось нечто католическое, *ex ore aperiantis*: «и аз, недостойный иерей». Спекторский, не доверяя своим богословским познаниям, спросил у известного специалиста по истории церкви А. П. Доброклонского, не ошибается ли он, считая, что сербы, не поддаваясь католическому влиянию, сохранили древнюю христианскую форму покаяния, когда священник читает общую молитву, а каждый кается про себя. На это тот ответил, что «это только отчасти верно и что в России личная исповедь появилась и независимо от католичества, а именно в связи со старчеством. Но тогда получается нечто совсем иное. Одно дело, когда лица со смущенной совестью обращаются к человеку, прославившемуся святой жизнью, открывают ему свою душу и получают наставление от его мудрости, поднявшейся над земной суетой. И совсем другое дело формальная треба или исповедь перед действительно недостойным иереем, живущим меж детей ничтожных мира. Мне казалось, что и некоторые другие особенности сербского богослужения ближе к древней христианской традиции, чем то, к чему привыкли мы, русские. Так, например, пасхальная заутреня у них служится в четыре часа утра, а не в полночь, как у нас, что, может быть, сделано для удобства господ»⁹.

Важной частью жизни русских эмигрантов было устройство русской церкви в Белграде. «Она помещалась сначала в трех комнатах, устроенных железнодорожной дирекцией, потом в актовом зале одной гимназии, затем в сарае на старом кладбище, пока, наконец, для нее не было выстроено небольшое собственное здание. Ее настоятелем был отец Петр Биловидов. Человек без высшего духовного образования, он оказался прекрасным проповедником и законоучителем, а также большим любителем и знатоком церковного пения»¹⁰. Как отмечал Спекторский, Биловидов «заслужил почетное место в истории русской церковной жизни в Белграде».

Присутствие русских священников в жизни КСХС не ограничивалось одним храмом в Белграде. Некоторые русские священники получили сербские приходы в провинции. Как вспоминал не без иронии Спекторский, «про одного из них рассказывали, что, когда по просьбе больных он стал служить молебны об их здравии, то местный врач заявил претензию, что он нарушает начало разделения труда: пока больной жив, он состоит в ведении врача; и только, когда он умирает, он передается священнику. Про другого говорили, что к нему однажды пришла женщина с просьбой отслужить молебен о здравии заболевшего Мирка. Священник спросил: «Что, он лежит?» Она ответила: «Нет, стоит» – «И как стоит?» – «Да ведь это конь». – «Как же я могу служить молебен: ведь это не человек». – «Он лучше человека, он мне как сын». – «Да у него нет души». – «А я заплатила за него пять тысяч динар». Кончилось тем, что священник прочитал молитву над конем и покропил его»¹¹.

Не случайным после таких происшествий было двойственное отношение сербского духовенства к русскому. «С одной стороны, ему было оказано широкое гостеприимство и предоставлена автономия под главенством митрополита Антония». С другой стороны, проявлялась определенная ревность. Так, «первоначально русским священникам не позволяли служить панихид на русских могилах. С неудовольствием отнеслись к сооружению русской церкви возле сербской церкви св. Марка (в ней во время войны немцы похоронили останки убитых сербами Александра Обреновича и его жены Драги). Еще с большим неудовольствием отнеслись к сооружению русской церкви на кладбище». При этом Спекторский соглашался, «что в данном случае сербы имели основание считать, что их обманули. Было

дано разрешение на постройку копии разрушенной большевиками иверской часовни в Москве. Снаружи так оно и получилось. Но внутри вместо часовни оказалась церковь»¹².

Спекторский оставил немало метких и не всегда лицеприятных описаний представителей югославского духовенства. Характеризуя возглавлявшего Сербскую православную церковь патриарха Димитрия, он вспомнил, в частности, об устроенном им в 1921 г. парадном обеде в честь русских: «Нас, привыкших к тому, что архиереи едят только постную пищу, поразило меню обеда: четыре мясных блюда. Патриарх ел с большим аппетитом, после чего начал ковырять зубочисткой в своих собственных и вполне здоровых зубах. А ему уже было 80 лет». Важную роль в жизни церкви играл и епископ охридский Николай. Он оказался «вдохновенным проповедником и автором интересных религиозно-философских статей ... Его считали масоном и отчасти даже еретиком, так что ему одно время не позволяли проповедовать в Белграде. Однажды он служил в нашей церкви и произнес на русском языке такую проповедь, что многие плакали»¹³. Вспоминал Спекторский и других иерархов.

Из православных праздников особенно запомнилось мемуаристу празднование Рождества, которое в Сербии празднуется «очень шумно, с выстрелами и петардами, чтобы поздравить Бога с рождением сына. Посербски Рождество – «Божич», уменьшительное от Бога, «Боженьска». В сочельник вместо немецкой елки у сербов полагается «бадняк»: дубовые ветки с пожелтевшими листьями сжигаются в очаге. В Белграде за этими ветками отправляется в лес Кошутняк, длинная вереница военных частей с оркестром и частных автомобилей. Гвардейцы доставляют королю во дворец украшенный лентами бадняк. Он же осыпает их житом»¹⁴.

С 1930 по 1945 г. Спекторский жил в словенской части Югославии и преподавал в Люблянском университете. Хотя мемуары оканчиваются на 1932 г., они все же содержат характеристику церковной (преимущественно, католической) жизни этих мест. Как подчеркивал Спекторский, значительное влияние на религиозную жизнь Словении оказала Австрия – «австрийская традиция пользовалась симпатией католического духовенства, не могшего примириться с заменой апостолического величества Габсбургов схизматическими Караджорджевичами». При этом «православие считалось неприятелем № 1. Когда в Словении появились наши эмигранты, – продолжал Спекторский, – двух русских растерзали только за то, что они православные. Бем рассказал мне, как «жупник», т.е. приходской священник в Мирне, объяснил в церкви смысл образования королевства СХС: «прежде у нас был император, а теперь король; император был нашей веры, а король чужой». Должно быть, не без влияния духовенства словенское население Корошки высказалось за присоединение к Австрии. Многим клерикалам улыбалась мысль об автономной Словении в составе восстановленной Австрии с Оттоном Габсбургским на престоле и о католическом поясе, тянущемся от Польши через Словакию, Венгрию, Австрию, Словению и Хорватию к Италии и Ватикану. Ненависть к сербам питалась австрокатолицизмом, вдохновившим песню «Srbe o vrbe» (повесить сербов на вербы), которую во время мировой войны распевали даже лица, сделавшие впоследствии в Югославии большую карьеру»¹⁵.

К метким характеристикам сербских иерархов Спекторский прибавил портрет словенского епископа Еглича. «Когда я приехал в Любляну, – вспоминал Спекторский, – престарелый knezolkof, т.е. князь епископ Еглич был уже на покое. Этот Еглич как-то скупил и уничтожил все издание книги Цанкара «Эротика». Но вышло ее второе издание. И оно распространилось довольно широко. Самого же его упрекали, что он написал «Советы молодежи» порнографического содержания. ... Еглич был меценат. На свои средства он построил в Шент Виде гимназию с интернатом. И он же дал сто тысяч на издание роскошного тома по поводу десятилетия люб-

лянского университета. Его преемником был бывший профессор церковного права Рожман, краснощекий, жизнерадостный человек, большой любитель альпийских восхождений»¹⁶. В целом же, по мнению автора воспоминаний, «словенское духовенство далеко не было однородно. И в его среде проявилась борьба отцов и детей. Как он отмечал, «стремление части молодого поколения священников к социальной правде вылилось в большевизанство. Антагонизм обнаружился, когда был закрыт один католический журнал, выразивший симпатии к красной Испании»¹⁷.

Наиболее раздражавшим Спекторского моментом была торговля индульгенциями. Он описал такой случай: «Один словенец Барага, бывший миссионером среди американских краснокожих, был канонизован. Среди его родственников был собственник писчебумажного магазина в Любляне, тоже Барага, и ученица моей жены Туши Лейтгиб. Словенское духовенство содержало какую-то миссию в Индии. Однажды оно устроило особый павильон на «велесейме», т.е. выставке, посвященной этой миссии. Я купил в этом павильоне открытку с портретом Бараги. На ее обороте я прочел, что за израсходованный мной динар я приобрел не только изображение миссионера, но еще и отпущение каких-то грехов». «Вообще в Словении торговля индульгенциями процветала, – делал вывод Спекторский. – На какие средства при этом пускались иные духовные лица, видно хотя бы из распространявшегося не только среди одних баб с платочками на головах «расписания поездов в царство небесное»: тут были и экспрессы, и скорые поезда, и пассажирские, и притом, всех трех классов»¹⁸. По мнению православного Спекторского, «во всем этом сказывался дух католической этики с ее иерократической гетерономией, согласно формуле *nil sine episcopo*, оттеснявшей Христа и т.п. заявление: «без Мен можете сотворить ничесо ж». Между Богом и человеком помещается посредник в лице «духовного директора», как выражаются французы; его задача авторитетно давать в конфессионале экспертизу относительно того, нравственно ли, безнравственно или же полунравственно то или иное деяние, прошедшее, настоящее или будущее, а затем отпускать соответственное прегрешение за то или иное моральное или материальное возмещение. Все это создавало во многих случаях атмосферу лицемерия». При этом мемуарист не мог не отметить, что «много лиц, особенно женского пола, были беззаветно преданы церкви». С другой стороны, «несмотря на клерикализм, в некоторых местах Словении господствовало грубое суеверие еще языческого происхождения: вера в «Зеленого мужа», «жаль жену» и т.п.»¹⁹.

Завершая характеристику религиозной жизни Словении, Спекторский отмечал: «Как и в других католических странах, население Словении резко делилось на «практикующих», как говорят французы, и атеистов, на клериков и ненавистников церкви ... Не было той добродушно-скептической и терпимой середины, которая характеризует православный, в частности и наш русский быт. В демократических люблянских газетах, также как и в пражских, крайне шокировало то, что слово «Бог» писалось с маленькой буквы. Вся религия сводилась к клерикализму и христианство – к папизму»²⁰.

Таким образом, представляется, что «Воспоминания» Е.В. Спекторского являются важным источником по истории религиозных практик и церковной жизни межвоенной Югославии, хотя, конечно, как и любые мемуары, несут определенную печать субъективизма, обусловленную воззрениями их автора.

Библиографический список

Билимович А.Д. Профессор Е.В.Спекторский // День русского ребенка. – Сан-Франциско, 1952. – Вып. XIX. – С.129–134.

Заварин А.А. Сербский период // Славянский альманах, 2002. – М.: Индрик, 2003. – С. 504–520.

Материалы к библиографии работ Евгения Васильевича Спекторского // Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. – СПб.: Наука, 2006. – Т. II. – С. 513-521.

Михальченко С.И. Документы Е.В. Спекторского в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета // Отечественные архивы. – 2011. – № 6. – С. 64–68.

Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Е.В. Спекторский в эмиграции // Славяноведение. – 2009. – № 1. – С.14-24.

Спекторский Е.В. Воспоминания // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv. – Ф.01–30.230. – Е.х.П.

Спекторский Е.В. Протестантство и рационализм в XVI-XVII столетиях // Варшавские университетские известия. – 1914. – № 3. – С.1-105.

Спекторский Е.В. Св. Владимир и русская культура // Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. 988-1930. – Белград, 1930. – С. 17-31.

Спекторский Е.В. Своеобразие крещения Руси // Владимирский сборник. – Белград, 1930. – С. 55-62.

Спекторский Е.В. Словенская книга о боге // Путь. – 1935. – № 46 (январь-март). – С.70-73.

Спекторский Е.В. Христианская этика. Лекции, прочитанные в Свято-Владимирской Духовной академии в г. Нью-Йорке в 1950-51 уч. году // Записки Русской академической группы в США. – Нью-Йорк, 1980. – Т. XIII. – С. 77-190.

Спекторский Е.В. Христианство и культура. – Прага: Пламя, 1925. – 311 с.

Спекторский Е.В. Церковь и государство в России // День русской славы. Однодневное издание. – Белград, 15/28 июля 1939. – № 9. – С.14-17.

Ульяновский В., Короткий В., Скиба О. Останній ректор університету Святого Володимира Євген Васильович Спекторський. – Київ: Київський ун-т, 2007– 311 с.

A Legacy of Excellence. St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary. 1938-1988. – N.Y.: Crestwood: St. Vladimir's Seminary Press, 1988 – 88 p.

¹ См.: Материалы к библиографии работ Евгения Васильевича Спекторского // Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. – СПб., 2006. – Т. II. – С. 513-521.

² Спекторский Е.В. Протестантство и рационализм в XVI-XVII столетиях // Варшавские университетские известия. – 1914. – № 3. С. 1-105; Он же. Христианство и культура. – Прага: Пламя, 1925. – 311 с.; Он же. Св.Владимир и русская культура // Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. 988-1930. – Белград, 1930. – С.17-31; Он же. Своеобразие крещения Руси // Владимирский сборник. – Белград, 1930. – С. 55-62; Он же. Словенская книга о боге // Путь. – 1935. – № 46 (январь-март). – С.70-73; Он же. Церковь и государство в России // День русской славы. Однодневное издание. – Белград, 15/28 июля 1939. – № 9. – С. 14-17; Он же. Христианская этика. Лекции, прочитанные в Свято-Владимирской Духовной академии в г.Нью-Йорке в 1950/1951 уч. году // Записки Русской академической группы в США. – Нью-Йорк, 1980. – Т. XIII. – С. 77-190.

³ Биографию Спекторского см. подробнее: Билимович А.Д. Профессор Е.В.Спекторский // День русского ребенка. – Сан-Франциско, 1952. – Вып. XIX. – С.129–134; Ульяновский В., Короткий В., Скиба О. Останній ректор Університету Святого Володимира Євген Васильович Спекторський. – Київ, 2007; Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Е.В. Спекторский в эмиграции // Славяноведение. – 2009. – № 1. – С. 14-24.

⁴ A Legacy of Excellence. St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary. 1938-1988. – N.Y., 1988. – P. 11.

⁵ См.подробнее: Михальченко С.И. Документы Е.В. Спекторского в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета // Отечественные архивы. – 2011. – № 6. – С. 64-68.

⁶ К настоящему времени опубликованы отрывки из «Воспоминаний», относящиеся к 1916–1919 гг. См.: Спекторский Е.В. Воспоминания / вступ. ст., примеч. и коммент. С.И. Михальченко // Проблемы славяноведения. – Брянск, 2010. – Вып. 12. – С. 303–390; Воспоминания Е.В. Спекторского / публ., вступ. ст. С.И. Михальченко // Journal of Modern Russian History and Historiography. – 2010. – № 3. – P. 161–199.

⁷ Заварин А.А. Сербский период // Славянский альманах. – 2002. – М., 2003. – С. 513.

⁸ Forschungsstelle Osteuropa an der Universität. – Bremen. Historisches Archiv. Ф. 01-30.230. Е.х. П. Л. 435-436.

⁹ Там же. Л. 436-438.

¹⁰ Там же. Л. 452-453.

¹¹ Там же. Л. 507.

¹² Там же. Л. 507-508.

¹³ Там же. Л. 506.

¹⁴ Там же. Л. 795-796.

¹⁵ Там же. Л. 843-844.

¹⁶ Там же. Л. 847.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 848.

¹⁹ Там же. Л. 849.

²⁰ Там же. Л. 849-850.

Кутарев О.В.

ХАРАКТЕРИСТИКА РОДА И РОЖАНИЦ В СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ Б.А. РЫБАКОВА И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ

Аннотация. Научное изучение таких персонажей славянской мифологии как Род и Рожаницы насчитывает уже более 150 лет. Кажется, за такой период вполне должно было сложиться и распространиться правильное представление о них. Однако соответствует ли истине наиболее часто встречаемый сегодня подход, предложенный в 1980-е гг. академиком Б.А. Рыбаковым, массово поддержанный значительными кругами неоязычников? Анализируя древнерусские источники, фольклор и исследования предшественников Рыбакова ученым, автор пытается ответить на этот вопрос, рассматривая выводы известного академика относительно Рода и Рожаниц.

Ключевые слова: Род и Рожаницы, славянская мифология, русское неоязычество, Б.А. Рыбаков, «Язычество древних славян», родноверие.

Крупнейшим в России славянским неоязыческим течением является родноверие. Несмотря на порой весьма значительные различия в родноверческих общинах, которые могут выражаться как в отношении к текстовым источникам, так и к пантеону, обрядам, духовным практикам, существуют принципы, единые практически для всех родноверов. Прежде всего это их опора в привлечении научных источников на работы Бориса Александровича Рыбакова (1908–2001), академика и крупного исследователя язычества древних славян и Древней Руси.

Между тем в научной славистике творчество Б.А. Рыбакова уже с выхода его основных работ¹ было воспринято с большой осторожностью. Со временем появилось множество критических замечаний; несомненной заслугой ученого перед наукой были признаны лишь освоение и систематизация значительного археологического, этнографического и т. д. материала², а также его критические исследования таких поздних подделок как, например, «Велесова книга»³. Однако для родноверов именно выводы главных трудов Рыбакова имели решающее значение. Совпадение времени распространения и получения известности его работ с распадом СССР создали ситуацию, при которой главным источником многих первых неоязыческих течений, возникших как раз в этот период⁴, стали основные труды академика Рыбакова.